

ПОСТСОВЕТСКИЙ АРЕАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ СМЫСЛОВ И НЕОДНОЗНАЧНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ЭВОЛЮЦИИ

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Аннотация: В статье представлен историко-политический контекст многоплановых процессов на постсоветском пространстве. В осмыслении нынешнего состояния данного ареала следует принимать во внимание исторический генезис и несовпадающую длительность нахождения различных земель в составе единого государства. Геостратегический ракурс рассмотрения предполагает признание значимости цивилизационных координат, культурных идентификаций и экономических параметров пространства, которое вбирало в себя существенно несхожие цивилизационные образования, отличавшиеся историко-политическим опытом и уровнем экономического развития. Исходным политическим пунктом при рассмотрении актуальных процессов на постсоветском пространстве обоснованно полагать принципиальное положение всех шести редакций Концепции внешней политики РФ, принятых при трех президентах РФ. В них говорится, что первостепенным приоритетом РФ является развитие сотрудничества с государствами ближнего зарубежья. Это пространство (как в прошлом, так и настоящем) – пестрое, неоднородное образование во всех измерениях, включая значительную диверсификацию внешнеполитических устремлений. Гетерогенность ближнего зарубежья столь значительна, что наиболее распространенным его определением даже спустя 30 лет после распада СССР остается идентификация через отрицание. Тем не менее, несмотря на культурно-цивилизационную и политико-культурную специфику, диверсификацию внутривнутриполитического дизайна и внешнеполитических установок ранее входивших в состав СССР стран, последние до сих пор сохраняют сходство по целому ряду важных параметров. И географически ближайший к России ареал имеет для нее огромное значение. В условиях острой конкуренции внерегиональных политических акторов за доминирование в данном регионе Россия по-прежнему располагает многочисленными конкурентными преимуществами. Во внешней политике общим знаменателем постсоветских республик является многовекторность международных ориентаций, которая означает существенный геополитический вызов для России. В ближайшие годы постсоветское пространство останется ареной острой конкуренции за ресурсы, территории, плацдармы и активы.

Ключевые слова: постсоветское пространство, ближнее зарубежье, внешняя политика, международные отношения, трансформации, геополитический плюрализм, ресурсы, многовекторность

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – главный редактор журнала «Сравнительная политика», заведующая кафедрой МГИМО МИД России, профессор-исследователь НИУ Высшая школа экономики, заместитель председателя Общественного совета при Минобрнауки РФ, член Общественной палаты РФ и ОП Москвы, член-корреспондент РАН.

ORCID: 0000-0002-2660-481X E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76

Поступила в редакцию: 07.04.2026

Принята к публикации: 10.04.2026

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В осмыслении нынешнего состояния постсоветского пространства следует принимать во внимание его исторический генезис и несовпадающую длительность нахождения различных земель в составе единого государства. Наиболее масштабным был территориальный охват СССР, который занимал 1/6 часть обитаемой суши; значительная часть земель входила в состав Российской империи с первой четверти XVIII в.; другие территории в XIV-XV вв. входили в орбиту Московского государства, а еще ранее – в IX-XIII вв. – были интегрированы в границы древнерусского государства Киевская Русь. Поэтому применительно к данному евразийскому поясу уместно говорить о пространстве исторической России, которая аккумулировала разновекторные влияния Европы и Азии, Востока и Запада. Расположенные здесь государства вбирали существенно отличные импульсы, исходившие от крупных геополитических образований, стремившихся доминировать здесь в различные исторические эпохи. Приоритетным было влияние Руси-России, которая, собственно, на протяжении столетий и собирала эти земли. В отдельные эпохи на сегменты этого пространства претендовали и/или проецировали влияние квазигосударственные образования Великой Степи; ближние и дальние соседи по европейскому континенту, включая Литву и тевтонов, устремлялись сюда в средние века. Позже – другие европейские государства, среди которых выделялись устойчивым стремлением доминировать Польша, Турция, Франция, неизменно – Великобритания, позже к ним присоединились США, Европейский союз, Китай. Набор субъектов внешнего влияния менялся, но неизменным оставалось их стремление вовлечь в свою орбиту не только территории собственно Руси-России, но также сопредельные (или не очень сопредельные, как в случае Великобритании) территории Российской империи/ СССР/ Российской Федерации.

Геостратегический ракурс рассмотрения предполагает признание значимости цивилизационных координат, культурных идентификаций и экономических параметров данного ареала, который интегрировал цивилизационные образования, обладавшие несходным историко-политическим опытом и уровнем экономического развития. Осознание высокой гетерогенности постсоветского пространства побуждает к поиску концептуальных оснований осмысления последствий этой неоднородности для актуальной политики. В данном поиске нельзя обойти факт двух изданий (XVIII-XIX вв. и XX в.) имперской организации ареала. В этом контексте термины «империя», «имперский» не несут никакого негативного содержания, тем более что общепризнанным фактом стала очевидная разнородность империй (о различных подходах к типологии империй см.: Миллер, 2013). Немало написано о специфике Российской и Советской империй и о том, что их общим знаменателем – несмотря на глубокую несхожесть идеологических и иных параметров – была формула «империя минус империализм», что указывало на отсутствие первостепенного признака классических империй – эксплуатации колоний в пользу метрополии. Более того, ряд условно периферийных территорий России

имели многочисленные преференции по отношению к центру. Так, Великое княжество Финляндское, которое очевидно не входило в состав ядра Российской империи, в 1809–1917 гг. обладало внушительным перечнем привилегий, включая право не служить в армии и не платить налоги. Княжество располагало особым статусом и широкой автономией, имея собственные конституционные законы, сейм, валюту (финляндская марка), армию, почту и таможенную. Финляндия сохранила шведское законодательство, лютеранскую веру и шведский язык в качестве государственного, пользуясь экономическими преференциями на российском рынке. Царство Польское в составе Российской империи с 1815 г. также имело широкую автономию – обладало собственной конституцией (до 1830-х гг.), парламентом (сеймом), отдельной армией, администрацией и гражданским кодексом, отличным от общеимперского. Эти преференции были упразднены после польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов.

Обсуждение конкретики имперского прошлого не входит в задачи данной статьи. Отметим лишь, что, будучи выстроены в формате идеократий, Российская и Советская империи совпадали в том, что центр империи выступал не реципиентом, но донором ресурсов для периферийных территорий, и рука Москвы *de facto* выполняла функции субъекта модернизации для вовлекаемых в орбиту империи территорий. Так, в СССР социальные расходы после окончания Великой Отечественной войны были наивысшими в республиках Прибалтики и Центральной Азии, где именно в данный период были созданы – иногда с нуля – институты развития. Например, система высшего образования в Казахстане была учреждена в советский период: первый вуз основан в Алма-Ате в 1927 г.

В литературе идентифицированы характеристики имперской организации власти, полезные для понимания постимперских реалий образовавшихся государств. В данном контексте отмечается отсутствие стремления многих империй к четкому согласованию внутренних границ – территориальных, политических, экономических, культурных и т.д. Это определяет преимущественно косвенную систему управления, поскольку в состав империй различного типа, как правило, входили территории с различными культурными и политическими традициями, социально-экономическими особенностями и формами организации власти. В свою очередь, это задавало неустойчивую стандартизацию и не всегда четкую унификацию отношений внутри империи, значительное влияние неформализованных отношений и связей. Еще одной заметной особенностью империй являлась специфика их включенности в международную систему: имперская власть возникала не столько из системы взаимного признания на международной арене, сколько в результате согласования границ этой власти между ее составными частями (Мелешкина & Кудряшова, 2022; Мелешкина, 2013).

Перечисленные параметры детерминируют целый ряд общих проблем национально-государственного строительства в новых политиях, которые свойственны и многим постсоветским странам. Первой из этих проблем

является необходимость консолидации границ – не только территориальных, но также политических, культурных, экономических: новым государствам приходится решать вопросы формирования жизнеспособного национального рынка, культурной унификации и стандартизации, формирования новых идентичностей. Вторая проблема состоит в необходимости преодоления неизбежно возникающей при распаде империи институциональной деградации (в первую очередь это касается формальных норм и правил, системы управления государством). Следствием является следующая сложность – преодоления неизбежного в империях разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти, создания универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений. Естественно, перечисленные проблемы в новых полициях решаются различными путями, диверсификация которых закладывается конкретными обстоятельствами. В качестве таковых отмечаются различия между самими империями; статус территории в имперский период – принадлежность к бывшему центру империи или к периферии; специфика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях; расстановка политических сил внутри страны и характер международной среды; траектории и интенсивность внешнего влияния (подробнее см.: Мелешкина & Кудряшова, 2022; Мелешкина, 2013).

С перечисленными вызовами столкнулись и постсоветские политии, многие из которых впервые в своей истории обрели государственность после распада Советского Союза, поэтому не случайны значительные трудности и ошибки в их государственном строительстве. Если к этому добавить заинтересованность глобальных игроков в слабости вновь возникших стран и высокую степень влияния этих игроков на новые страны, то остается удивляться, что последние вообще состоялись. Заинтересованность внешних игроков в слабости новых политий была исследована ранее на примере постъюгославского пространства. Так, Д. Костовицова и В. Бойчич-Джелилович указывали на заинтересованность в слабости периферийных и полупериферийных стран со стороны многочисленных внешних акторов, включая международные организации и агентства. Слабые государства сами вовлечены в различные глобальные схемы, в том числе теневые. Осознание этих фактов открывает возможности понимания глобализации не как сугубо внешнего фактора, но как интернализованного влияния, направленного на подрыв усилий по консолидации государств. Глобализация представляла собой структурное явление, весьма далекое от хаоса и беспорядка – у него была собственная логика, в рамках которой использовались альтернативные критерии эффективности государства (Kostovicova & Bojicic-Dzelilovic, 2009). То обстоятельство, что государство плохо справляется со своими обязанностями по обеспечению общественного блага, вовсе не исключает, что оно весьма эффективно обеспечивает интересы тех локальных и глобальных акторов, которые извлекают выгоду от неформальных, нелегальных или криминальных практик. В качестве заинтересованных игроков выступают элиты слабых государств.

Ключевой интерес внешних элит в слабости новых государств заключается, во-первых, в сохранении их слабости, а во-вторых, в предотвращении их коллапса, поскольку они представляют собой систему, которую внешние акторы контролируют и с помощью которой они извлекают выгоду. Именно союз внешних игроков и местных элит определяет устойчивость слабых государств (Kostovicova & Bojicic-Dzelilovic, 2009; Austin, Berekashvili, Cheterian, et al., 2009). Впрочем, как оказалось довольно быстро, государственность некоторых из новых политий со временем превратилась в фантом.

Относительно истоков нынешнего турбулентного состояния евразийского пространства существуют различные мнения и оценки. Несомненно, постсоветское ядро Евразии не просто не могло быть обойдено нынешним всеобъемлющим мировым кризисом, но является одной из приоритетных его мишеней. Это большая тема, требующая отдельного обсуждения. Пока лишь зафиксируем ситуацию «идеального шторма», возникшего в результате наложения имеющих различный генезис линий дестабилизации. В данном контексте имеет смысл принять во внимание «глубину» источников турбулентности, выражающуюся в кризисе стратегий, практиковавшихся на протяжении последних пятидесяти-шестидесяти лет, включая кризис магистральной на протяжении этого периода установки на интеграцию отечественной экономики в европейский хозяйственный комплекс (Динамика инноваций, 2011), и *de facto* силовое уничтожение унаследованного Российской Федерацией со времен СССР энергетического сотрудничества с ведущей европейской экономикой – Германией, что составляло «становой хребет» российско-европейского сотрудничества. Возможно, эту деструкцию можно полагать элементом более широкого процесса – распада «существовавшей с 1960-х гг. “триадной” архитектуры глобального экономического пространства: “инвестиционно-технологическое ядро” – “промышленно-ресурсная полупериферия” – “ресурсная периферия”» (Аватков & Евстафьев 2024: 46). В свою очередь, данная дезинтеграция видится составной частью и одновременно – драйвером – распада постбиполярного миропорядка. Это крупные вопросы, требующие отдельного разговора за рамками очерково-обзорной статьи, призванной обозначить контекст актуальных процессов на постсоветском пространстве, предвещающей рассмотрение конкретных сюжетов.

Исходным *политическим* пунктом при рассмотрении актуальных процессов на постсоветском пространстве обоснованно полагать принципиальное положение всех шести редакций Концепции внешней политики Российской Федерации, принятых при трех президентах РФ – Б.Н. Ельцине, В.В. Путине, Д.А. Медведеве, (от 23 апреля 1993 г., 28 июня 2000 г., 12 июля 2008 г., 12 февраля 2013 г., 30 ноября 2016 г., 31 марта 2023 г.), касающееся приоритетов международной региональной политики РФ. В системе этих ориентиров неизменно в качестве первостепенного позиционировалось сотрудничество с государствами ближнего зарубежья, прежде всего, теми, что входят в Содружество Независимых Государств и Организацию Договора

о коллективной безопасности. Россия позиционирована в качестве «одного из влиятельных суверенных центров мирового развития», а в тексте п. 49 главы V «Региональные направления внешней политики Российской Федерации» действующей Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. сказано следующее: «Наиболее важными для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России, упрочения ее позиций как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и цивилизации являются обеспечение устойчивых долгосрочных добрососедских отношений и объединение потенциалов в различных сферах с государствами – участниками СНГ и другими сопредельными государствами, связанными с Россией многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами»¹.

Значение этого положения трудно переоценить в экономическом, политическом, культурном, гуманитарном плане. Между тем на исследовательском треке изучение постсоветского ареала трудно назвать принадлежащим к числу тематических приоритетов последних десятилетий. Несмотря на наличие и успешную деятельность ряда научно-образовательных центров – в МГИМО МИД России, в ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, в Институте Европы РАН, в Российском государственном гуманитарном университете, Российском институте стратегических исследований, в негосударственном Институте стран СНГ – *de facto* ближнее зарубежье трудно назвать первоочередным в изысканиях постсоветского периода (История Российской ассоциации политической науки, 2015). Издержки этой близорукости стали в полной мере очевидными в третьей декаде текущего века. В последние годы ситуация меняется, и внимание отечественной науки к соседям по евразийскому пространству становится существенно более пристальным. Поэтому обращение «Сравнительной политики» к данной теме естественно и логично.

Даже поверхностный взгляд на евразийские процессы обнаруживает амбивалентность и разнонаправленность векторов эволюции их участников. Пространство ближнего зарубежья, как в прошлом, так и в настоящем, – пестрое, гетерогенное образование во всех измерениях, включая значительную диверсификацию и даже поляризацию внешнеполитических устремлений. В теоретическом плане это, несомненно, способствует более глубокому пониманию макрорегионального контекста бытия отечественной политики и самого феномена макрорегионализма (Гаман-Голутвина, 2025a; Гаман-Голутвина, 2025b). Гетерогенность сопредельного пространства столь значительна, что наиболее распространенным его определением до сих пор остается его идентификация через отрицание, то есть посредством указания на то, что чем объект *не является*. Термин «постсоветское пространство»,

¹ МИД РФ (2023) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.03.2026).

впервые появившийся в статье А. Празаускаса в «Независимой газете» в 1992 г.², употребляется преимущественно в России на основании общей истории, тогда как в международном обороте преобладает понятие «*новые независимые государства*», призванный подчеркнуть их плюрализм. В литературе предложены и концептуальные подходы. Во второй декаде XXI в., когда в основном определилось нынешнее структурирование данного ареала, академик РАН А.В. Торкунов предложил понимание термина «постсоветский» ограничивать географическим пространством, занимаемым государствами, входившими в состав бывшего СССР, за исключением стран Балтии, поскольку распад СССР обусловил появление на пространстве Евразии относительно устойчивого постсоветского региона. В данном контексте регион означает «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориальных и временных границах» (Современные международные отношения, 2012: 117). Развивая эту мысль, А.С. Владыцкий предложил рассматривать постсоветское пространство как относительно устойчивое региональное образование, обладающее системой политических, экономических, духовных, культурно-цивилизационных и других связей между его субъектами – независимыми государствами (в большей или меньшей степени, в зависимости от их внешнеполитической ориентации), появившимися после распада СССР на территории Евразии. (Владыцкий, 2017). Параллельно использовался термин «*ближнее зарубежье*», который обозначал «*не временный характер независимости новых государств, как подозревали на Западе, а отражал переход от отношения к бывшим республикам как к окраинам единой страны по отношению к ним как к подлинно суверенным государствам*» (Тренин, 2018: 12).

Несмотря на культурно-цивилизационную и политико-культурную специфику, диверсификацию внутриполитического дизайна и внешнеполитических установок ранее входивших в состав СССР политий, последние до сих пор сохраняют сходство по целому ряду важных параметров, что обусловлено в том числе длительностью сосуществования в рамках единого государства. При этом географически ближайший к России ареал в ходе тектонических трансформаций трех с лишним последних десятилетий не утратил для нее своего значения. Безусловно, сохраняет свою обоснованность чеканная формулировка президента РФ В.В. Путина в его Послании Федеральному Собранию РФ 2005 г.: «Распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века»³.

Хотя объективности ради стоит признать, что в первые годы (да и позже) после распада СССР такая оценка разделялась в отечественном политическом классе не всеми. Ряд политиков и экспертов полагали, что ближнее зарубежье в системе приоритетов РФ – «*уходящая натура*» (Политический

² Празаускас А.А. (1992) СНГ как постколониальное пространство. *Независимая газета*, 7 февраля.

³ Сайт Президента РФ *kremlin.ru* (2005) Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию 25 апреля 2005 г. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 10.03.2026).

класс в современном обществе, 2012; Человеческий капитал российских политических элит, 2012). Не случайно даже благожелательно настроенные соседи России нередко отмечали, что, декларируя приоритетность этого ареала в системе внешнеполитических ориентаций, *de facto* некоторые российские политики и эксперты даже в XXI в. нередко по инерции продолжали относиться к руководителям соседних государств как к «меньшим братьям», будучи уверены: «все равно никуда не денутся». Между тем соседям было и есть «куда податься»: это геополитическое пространство практически сразу после распада единого государства с нарастающей интенсивностью стало сферой конкуренции внерегиональных политических акторов – США, ЕС, Великобритании, Китая, Турции, других азиатских стран, активно осваивающих пространство, которое некоторые российские политики долго числили своим «задним двором».

Несмотря на остроту конкуренции в постсоветской Евразии, Россия вовсе не обречена здесь на поражение – она по-прежнему располагает многочисленными конкурентными преимуществами. Это и общее историческое прошлое, и русский язык как средство поликультурного общения, который, впрочем, почти повсеместно в ближнем зарубежье – хотя и с разной скоростью – вытесняется из официального и бытового оборота⁴. Россия является поставщиком жизненно важных ресурсов, определяющих водную, продовольственную и энергетическую безопасность ряда соседних стран; российский рынок труда поглощает их избыточные демографические ресурсы, что снижает остроту в них социально-экономических противоречий. РФ – по-прежнему источник экономической помощи для ряда политий, хотя далеко не всегда с политической выгодой для себя, что побуждает задуматься о востребованности умения более настойчиво конвертировать экономические затраты в политические приобретения. При этом на протяжении почти трех десятилетий после «цивилизованного развода» существовал парадокс: Россия выступала главным спонсором экономических и политических процессов в сфере своих привилегированных интересов и одновременно являлась их главным заложником (Болгова, 2017: 90).

Во внешней политике общим знаменателем постсоветских республик является *многовекторность* международных ориентаций, которая означает стремление балансировать между различными центрами силы, не примыкая однозначно ни к одному из них. Внешнеполитическая «поливалентность» рассматривается ими в качестве инструмента обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для решения внутренних задач. Пришедшая на смену преобладавшему в первые постсоветские годы пророссийскому вектору, эта внешнеполитическая данность видится вызовом российской внешней политике, обуславливающим потребность в переосмыслении ряда

⁴ Недавний пример – формулировка ст. 9 проекта новой Конституции Республики Казахстан, согласно которой русский язык будет использоваться «*наряду*» (қатар) с казахским; прежняя формулировка ст. 7 Конституции РК 1995 г. гласила «*наравне*» (тең) с казахским. Это означает сохранение официального статуса русского языка, но при уточнении его применения.

ее прежних установок в отношении своих соседей. Нахождение ответа на этот вызов предполагает волю к выстраиванию новой формулы взаимодействия, ориентированной не на прошлое, а на будущее: интеграция невозможна вне экономически эффективного центра и предложенной им внятной и конкурентоспособной альтернативы для партнеров.

В геополитическом плане постсоветское пространство остается высококонфликтной зоной как в плане отношений между прежними советскими республиками, так и в связи с разнонаправленными внешними влияниями. Ряд конфликтов унаследован из прошлого; иные возникли в период автономного существования. Источники, векторы и причины межгосударственных конфликтов в контуре прежних союзных границ многообразны; нередко они инициируются внерегиональными акторами. Многие из конфликтов имели/имеют вооруженный характер. К сожалению, и России не удалось избежать применения вооруженных сил в формате специальной военной операции на Украине для преодоления рисков враждебной политики пришедшего к власти посредством государственного переворота 2014 г. режима в Киеве.

Немалое число вооруженных столкновений на постсоветском пространстве, включая те, что инициированы внешними акторами, истоками восходят к конкуренции за ресурсы. В плане ресурсной обеспеченности положение России, занимающей первое место в мире по общему объему и стоимости природных ресурсов (более 20% мировых запасов) уникально, что парадоксально создает и риски для нее. Позволю себе напомнить ряд параметров. Общая стоимость полезных ископаемых России оценивается в диапазоне от 75 до 100 триллионов долларов, что ставит страну на верхнюю строчку мирового рейтинга; за ней следуют США (около \$45 трлн) и Саудовская Аравия (\$34 трлн). Согласно оценке текущего состояния минерально-сырьевой базы и водных ресурсов, содержащейся в Постановлении Правительства РФ «Воспроизводство и использование природных ресурсов» в редакции от 23.12.2025 г., Российская Федерация занимает 1-е место в мире по запасам газа, золота, железных руд, 2-е место – по запасам цинка, серебра, ванадия, 3-е место – по запасам угля, меди, 6-е место – по запасам нефти. Россия занимает 1-е место в мире по запасам пресной воды (20 процентов мировых запасов)⁵. Согласно оценке главы «Роснефти» И. И. Сечина, особую роль в развитии ресурсного потенциала РФ играет Арктика, которая является настоящей «кладовой энергоресурсов», причем не только России, но и во всем мире. Там содержится свыше 20% всех неразведанных запасов нефти и природного газа Земли. При этом на долю российской Арктики приходится 80% от всех этих запасов⁶. Так что битва за Арктику – еще впереди. Около двадцати

⁵ КонсультантПлюс (2014) Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 N 322 (ред. от 23.12.2025) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Воспроизводство и использование природных ресурсов". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162083/ (дата обращения: 16.03.2026).

⁶ РИАМО (2024) Игорь Сечин: общая стоимость полезных ископаемых России составляет 100 трлн долларов. 5 декабря. Available at: <https://riamo.ru/news/ekonomika/sechin-obschaja-stoimost-poleznyh-iskopaemyh-rossii-sostavljaet-100-trln-dollarov/> (дата обращения: 16.03.2026).

лет назад американские авторы Ф. Хилл и К. Гэдди, определенно не чуждые истеблишменту США, опубликовали книгу «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России» (Hill & Gaddy, 2003), в которой в доступной форме объяснили проживающим к востоку от Урала россиянам, что их подлинная беда состоит в неразумной политике советских/российских властей по освоению ресурсов Сибири, да и сами жители Сибири – во многом «избыточное» население. И потому российским властям лучше отказаться от сибирских ресурсов, чем пытаться удержать «избыточное» население сибирских просторов. Не исключено, что вскоре может появиться новое издание – на этот раз о неразумности политики российских властей в Арктике, стремящихся использовать богатства отечественного сегмента арктического региона в интересах своей страны...

Так что постсоветское пространство и в перспективе останется ареной острой конкуренции за ресурсы, территории, плацдармы и активы. Поэтому не случайно константой стратегии внерегиональных игроков в данном ареале традиционно была политика поддержки «геополитического плюрализма», что предполагало блокирование любых интеграционных движений в пользу России, сокращение влияния России, а в перспективе – ее вытеснение из этого пространства. Широкую известность получило приписываемое советнику президента США по национальной безопасности в 1969–1975 гг. и Государственному секретарю США в 1973–1977 гг. Г. Киссинджеру выражение *«Объединению постсоветских государств мы предпочтем хаос и гражданскую войну»*, хотя на авторство этого изречения могут претендовать и иные американские политики. Данные установки возникли сразу после распада СССР, однако первую декаду «автономного плавания» бывших советских республик США и ЕС были заняты преимущественно «поглощением» постсоциалистических стран Восточной и Центральной Европы и стран Балтии. В новом веке упомянутые выше установки по отношению к территории бывшего СССР обрели формат активной практической политики. Рубежными стали 2003–2004 гг.: в ноябре 2003 г. произошло два знаковых события, хотя не равноценных по резонансу – «революция роз» в Грузии и провал попыток политического урегулирования в Молдове, когда ее президент В. Воронин отказался подписать т.н. «меморандум Козака», предполагавший федерализацию Молдовы. В мае 2004 г. года Европейская комиссия утвердила окончательный вариант «Европейской политики соседства», в сферу действия которого из числа постсоветских государств вошли Белоруссия, Молдавия, Украина. Весной 2004 г. Латвии, Литве и Эстонии было предоставлено членство в НАТО и ЕС (символическим стал именно такой порядок ходов, хотя разрыв между ними составил около месяца), а в ноябре того же года была развернута «оранжевая» революция на Украине. Через год после событий в Киеве последовали «тюльпановые» события в Киргизии и андижанская бойня в Узбекистане. В 2009 г. стартовала известная программа «Восточное партнерство», сфокусированная на Украине, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане (Гаман-Голутвина, Пономарева & Шишелина, 2014).

Общим знаменателем этих мер было стремление переориентировать упомянутые страны на США и ЕС, в тот момент – преимущественно методами «мягкой силы» посредством разнообразных гуманитарных программ и экономического давления. После 2014 г. им на смену пришли экономические санкции и форсированная подготовка Украины в качестве тарана для борьбы с Россией.

Принципиально констатировать, что украинский кризис стал не триггером разрыва отношений России с Западом, а «следствием многочисленных и значительных противоречий, накопившихся между Россией и странами Запада, а не наоборот» (Постсоветские государства на современном этапе, 2024: 165; см. также: Политические процессы на постсоветском пространстве, 2020: 161-169; Чистилин, 2022).

После начала Россией СВО в феврале 2022 г. членами НАТО и ЕС была сделана ставка на жесткие военные методы для нанесения России «стратегического поражения», что стало кульминацией многолетней стратегии этих сообществ по построению «кольца анаконды» вокруг России. Вступление в НАТО Финляндии (2023 г.) и Швеции (2024 г.), предоставление кандидатского статуса в ЕС Украине и Молдавии (июнь 2022 г.), Грузии (декабрь 2023 г.) и начало переговоров о вступлении в ЕС с официальным Киевом и Кишиневом (декабрь 2023 г.) знаменовали вехи этой стратегии.

О финансово-экономической и технологической подоплеке стремления западноцентричных структур к расширению на ареал постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства написано немало, не будем умножать сущности. В 1990-е гг. объектом поглощения стали постсоциалистические государства ЦВЕ; далее пришел черед постсоветского пространства. Слоганом продвижения было знаменитое *«Мы все в одной лодке»*, на что проницательные наблюдатели из стана «поглощаемых» реагировали саркастически: *«Да, в одной лодке, но некоторые в качестве провизии»*... Возможно, более достоверными стоит полагать комментарии из стана «поглощающих». Перу Марка Твена принадлежит написанное в 1906 г. эссе *«Мы – англосаксы»*. Сюжет этого краткого текста состоит в том, что председательствующий на банкете в элитном клубе отставной военный в высоком чине возвестил: *«Мы – англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет...»* (выделение М. Твена – О.Г.). Опуская авторский перевод этой декларации с митингового на обыденный язык и учитывая, что на собрании были представлены стоящие у рычагов управления наиболее влиятельные группы американского общества, уместно вновь процитировать Твена: *«Это были Соединенные Штаты, <...> полноправно высказывавшие от лица нации свой сокровенный кодекс морали»* (Твен, 1906)...

Если первые годы после распада СССР активность проявляли западные акторы, то начало XXI в. ознаменовалось разворачиванием инициатив пришедших с Востока игроков. В частности, при президенте Р. Эрдогане Турция в рамках идей создания *«Великого Турана»* последовательно и напористо наращивала влияние в Центральной Азии. Статистика фиксирует рост почти в 4

раза – с 1,3 млрд долл. до 4,4 млрд долл. – в 2016–2023 гг. прямых инвестиций из Турции в страны Центральной Азии (и еще больший взлет инвестиций в этот регион из ОАЭ – с 745 млн до 3 млрд долл.) (Смирнов & Сутырин, 2024: 126), а также в другие ареалы проживания тюркоязычных народов. В приоритете – Азербайджан, применительно к которому Турцией была предложена формула *«два государства – один народ»*. Другой точкой приложения стали регионы проживания тюркоязычных народов России (Поволжье, Кавказ, Сибирь), где Турция активно развивает влияние, используя инструменты «мягкой силы» – культурно-образовательные проекты, образовательные центры, совместные исторические исследования и медиаресурсы.

Наибольшую активность, начиная с первых лет XXI в., проявлял и продолжает проявлять крупный сосед России – Китай, который в отличие от западных игроков делает ставку на использование экономических методов продвижения своих интересов. Вехой стало избрание генеральным секретарем КПК в 2012 г. и председателем КНР в 2013 г. Си Цзиньпина, выдвинувшего в 2012 г. внешнеполитическую концепцию *«единой судьбы человечества»*, которая, по сути, представляет собой китайский вариант глобализации при лидерстве Китая. Механизмом реализации этой стратегии призвана стать выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 году масштабнейшая инициатива *«Один пояс, один путь»* – глобальная стратегия развития инфраструктуры и международного сотрудничества. Более чем симптоматично, что основная часть концепции ОПОП – *«Экономический пояс Шелкового пути»* – была озвучена в сентябре 2013 года в Астане (Казахстан) (идея *«Морского Шелкового пути»* была презентована в Индонезии). Территория Центральной Азии мыслится китайскими стратегами как транзитное пространство для встречного движения китайских товаров в страны ЕС и высокотехнологичной европейской продукции в Китай. Отсюда – заинтересованность Китая в создании транспортно-логистических коридоров для наращивания экспорта китайских товаров в страны Евросоюза посредством инфраструктурных мегапроектов: создание или модернизация действующих железнодорожных, автодорожных и трубопроводных магистралей, транспортно-логистических узлов, портов и т.д. Предполагается, что реализация данных проектов будет способствовать решению как непосредственных задач ОПОП, так и сопряженных с ним проблем, включая модернизацию западных и северных районов Китая, использование значительных демографических ресурсов Поднебесной, расширение возможностей использования природных ресурсов восточных регионов РФ. Вместе с тем эксперты отмечают, что «сквозной» характер маршрута Китай–ЕС создает риски дезинтеграции постсоветского региона и превращения его в транзитно-сервисную зону. Это может препятствовать формированию внутрирегиональных кооперационных цепочек (Смирнов & Сутырин, 2024: 125).

После начала СВО возможности Китая по привлечению природных и энергетических ресурсов РФ значительно расширились, в том числе благодаря дисконту цен на энергоресурсы. Что касается сотрудничества в реализации совместных проектов производственного профиля, то опасения

вторичных санкций США побудили китайских партнеров занять осторожную и выжидательную позицию.

В любом случае в настоящее время ни один из глобальных игроков не в состоянии контролировать весь постсоветский ареал, поскольку он включает субрегионы, ориентированные в различных векторах. Общим знаменателем политики внерегиональных акторов на этом пространстве являются откровенно геополитические и геоэкономические установки: ценностный и идеологический флер остался в прошлом. Геополитические установки ЕС, США, Великобритании и их партнеров по НАТО на пресловутый «геополитический плюрализм» в Евразии (что на практике означает вытеснение России из критически важных ареалов) подтверждаются результатами рассмотрения в нынешнем выпуске «Сравнительной политики» О.А. Москаленко, С.В. Юрченко, А.А. Ирхиным и Н.Э. Демешко из Крымского федерального и Севастопольского государственного университетов западной политики в отношении России в Черноморском регионе посредством анализа документов концептуально-доктринального уровня (Стратегический компас ЕС, Концепция безопасности НАТО, обновленная Глобальная Британия, Стратегия морской безопасности Украины, Черноморская стратегия США в 2022–2024 гг.).

Авторы полагают, что стратагемы и реальная текущая политика политического Запада означает возрождение идей «Большого Черноморского региона», разработанного на концептуальном уровне еще в начале 2000-х гг. Полагаю, что в данном случае имеет смысл провести аналогии с еще более ранним историческим периодом, а именно со временем Крымской войны, которую историки порой называют *«нулевой мировой войной»* – столь значителен был ее масштаб и высоко значение. Есть признаки того, что Британия рассматривает нынешний конфликт как второе издание Крымской войны. Столь значительная историческая длительность установок Великобритании, к которой в XX–XXI вв. присоединились США и партнеры по НАТО и ЕС, обнажает преемственность, текущей политики западных акторов мировой политики по отношению к России.

Эта устойчивость ориентаций западной политической культуры позволяет лучше понять перспективы развития ситуации в Черноморском регионе. Глубоко не случайна ставка Британии на В. Зеленского: Украина для Британии не просто одна из стран постсоветского пространства – это точка сборки ее стратегии, и не только в области политики. Это также инструмент глобального управления и способ экономического выживания. Британия мертвой хваткой вцепилась в Черное море, а это означает, что продолжение битвы за Черное море безальтернативно. Полный контроль над Черным и Каспийским морями – вот что является ценой вопроса. Отсюда и бескомпромиссный курс на вытеснение Черноморского флота из Севастополя и Крыма. Между тем геостратегически сохранение позиций России в Северном Причерноморье означает для нее коммуникацию с Каспийским регионом, Северной Африкой и всем Средиземноморьем и далее – выход в мировой океан. Целью западных игроков в черноморском регионе является вытеснение России из этого

ареала и постоянное присутствие военных сил НАТО в Черном море, включая альтернативные Черноморским проливам пути.

Черноморский кейс позволяет сделать некие обобщающие выводы. Курс западных акторов в Евразии – это чистая геополитика, сформулированная в трудах классиков этой дисциплины еще в XIX–XX вв. и провозглашенная почившей на исходе XX в., когда было заявлено о смерти идеологий. В XXI в. оказалось, что идеологии были антуражем, флером геополитики, которая никуда не ушла. Суша, море, транспортные коридоры, морские пути – все эти полагавшиеся как бы устаревшими понятия резко возросли в актуальном политическо-экономическом обороте. А работы классиков геополитики, долгое время имевшей маргинальный статус, оказались востребованными внешними игроками и сегодня (Haushofer, 1951; Huntington, 1996; Mackinder, 1919; Mahan, 1987 (orig. 1890); Mahan, 1970 (orig. 1897)). Доминирование в Черном и Балтийском морях открывает возможности доступа и контроля над обширными евразийскими территориями, а это – разнообразные ресурсы, критическая инфраструктура, ценные активы.

Но геополитическое противостояние – это не только сражение боевых кораблей, ракетных установок и беспилотных систем. Это еще и битва за умы, а на пространстве бывшего СССР – это еще и столкновение идентичностей. Точнее будет сказать, что пушки начинают говорить тогда, когда не остается иных инструментов. Если держать в памяти известное изречение Сунь-цзы из трактата «Искусство войны» о желательности достижения победы без войны, то актуальной дальнейшей задачей России остается укрепление российской национальной идентичности в горячих точках геополитического противостояния – в Крыму и на Донбассе. В этой связи представляют интерес итоги проведенного А.В. Барановым и его коллегами исследования сходства и различия факторов укрепления российской национальной идентичности в Крыму и на Донбассе в 2014–2024 гг. Этот проект и подготовленная на его основе статья для нынешнего выпуска «Сравнительной политики» вполне системно представляют конфигурацию факторов укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации и природу различий в распространности российского самосознания в этих регионах.

Кросс-темпоральное сопоставление результатов анкетных опросов и переписей населения в различные периоды позволило иерархизировать источники консолидации российской идентичности в Крыму и на Донбассе, среди которых ожидаемо значимы историческая память региональных сообществ, сдвиги в этническом и языковом составе населения, уровень урбанизации, эффективность проводимой политики идентичности. Неоднородность распределения идентитарных предпочтений связана с полиэтничностью и поликонфессиональностью сообществ Крыма и Донбасса, а также с продолжительностью политики идентичности, направленной на реинтеграцию с Россией.

В этой связи высока ответственность акторов политики идентичности в новых регионах РФ. К категории драйверов этой политики обоснованно

причисляются федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации. Точками приложения усилий этих структур выступает эффективная реализация символической политики в разнообразии ее репертуара, включая политику памяти и информационные стратегии. Разнятся уровни доверия к субъектам политики идентичности – наибольшее доверие снискали федеральные органы государственной власти, а наименьшее – СМИ.

Особое место среди постсоветских государств занимает Беларусь, эволюция которой представляет исключение в анализируемом сообществе стран практически по всем параметрам. Итоги 35-летнего самостоятельного существования Беларуси позволяют оценить ее опыт. Принципиальным является признание того, что белорусский путь не был путем противостояния рыночным реформам. Это был иной по отношению к другим бывшим республикам СССР путь рыночных реформ: к рынку РБ адаптировалась не через малые предприятия и шоковую терапию, а через адаптацию крупных заводов к реформируемым внешним рынкам.

В результате белорусский путь оказался успешным: к началу XXI в. РБ третьей по времени из республик бывшего СССР (после Узбекистана и Эстонии) вышла по объему реального ВВП на уровень 1990 г. (Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики, 2017: 3; Межевич, 2024: 48). А к 2004 г. промышленность РБ превзошла уровень 1990 г. на 40 % (Шевцов, 2005: 120). РБ стала единственной страной в СНГ, в которой эксперты констатируют практически постоянный экономический рост. В отдельные годы темпы экономического роста Белоруссии были самыми высокими в Европе: применительно к промышленности это 17 % в 1997 г. и 15 % в 2004 г.; рост ВВП в первой декаде суверенного существования составил 10 % (Шевцов, 2005: 216). И даже в сложных условиях антибелорусских и антироссийских санкций в 2023 г. рост ВВП составил 3,94% (Год планеты 2025: 278). Промышленное производство формирует более четверти ВВП Беларуси (в 2021 г. – 27,1%). Наиболее развитые отрасли экономики – машиностроение, легкая промышленность, деревообработка, нефтехимическая и фармацевтическая отрасли, производство продуктов питания и напитков. По этому показателю Беларусь опережает Германию и Швецию (Беларусь в цифрах – 2023, 2023: 8). При этом белорусская экономика не является замкнутой: доли экспорта и импорта в ВВП составляют соответственно свыше 55–78% и 55–75% за 2012–2019 гг. (Самоховец, Гречишкина & Глазкова, 2020; Межевич, 2024: 56).

Стоит особо подчеркнуть, что эти показатели достигнуты несмотря на то, что на протяжении почти двадцати лет значительная часть бюджета (порядка 25%) расходовалась на преодоление последствий Чернобыльской катастрофы 1986 г. Хотя Чернобыльская АЭС расположена в 90 км от Киева, однако в результате розы ветров во время аварии и сразу после нее порядка 70% радиационных осадков выпало на территории Белоруссии. В результате 20% территории Белоруссии было заражено. На пораженной радиацией

территории в момент аварии проживало 20% населения страны (Шевцов, 2005: 161); сейчас этот показатель сократился до 10%.

Экономические достижения РБ в период независимости определены целым рядом факторов: исторических, экономических, политических. Прежде всего следует упомянуть специфику белорусского хозяйственного комплекса. К моменту распада единого государства экономика Белорусской ССР являлась сверхиндустриальной, экспортно ориентированной (80 % продукции направлялось на экспорт) и высококонцентрированной (на 50 % предприятий было занято более 500 чел.). Сверхиндустриализация не позволяла провести в РБ реформы по типу других постсоциалистических стран, ибо остановка градообразующих предприятий (которых было большинство) означала бы социальный крах, не преодолимый собственными силами (Шевцов, 2005: 120).

Несомненно, устойчивость РБ стала возможной благодаря экономическим преференциям со стороны России. В составе СССР Белорусская ССР была «сборочным цехом», что предопределяло зависимость РБ от поставок и рынков России, поэтому интеграция РБ с РФ была логичной. В Беларуси сложился мощный индустриальный комплекс, ориентированный преимущественно на Россию и российские сырьевые и энергетические ресурсы. В 2022 и 2023 гг. баланс Минска в торговле с Москвой оказался положительным впервые за всю историю российско-белорусских отношений. Этому поспособствовали рекордный товарооборот и значительный рост белорусских поставок в РФ (Шамахов, Максимцев & Межевич, 2019). Более того, антироссийские санкции резко актуализировали значение ЕАЭС в качестве инструмента решения торгово-экономических и логистических проблем. Рестрикции, наряду с очевидными издержками и рисками, приносят ощутимые выгоды партнерам России по ЕАЭС, включая Беларусь, – в части денежных переводов, релокации кадров и компаний, торговли (Смирнов & Сутырин, 2024: 125). Действительно, российско-белорусское экономическое сотрудничество не является «игрой в одни ворота» – России сотрудничество с Беларусью также выгодно. Однако российская поддержка была не автоматической и безальтернативной – российско-белорусские отношения знали различные этапы. В 1990-х гг. определенная часть российского руководства пыталась торпедировать попытки сближения двух стран. Во второй декаде XXI вв. РБ официально присоединилась к проекту «Восточное партнерство», направленному на расширение присутствия ЕС на постсоветском пространстве, на дальнейшее ослабление влияния здесь России, и таким образом вошла в поезд, называвшийся «многовекторностью». Беларусь сделала это последней, но – сделала. Ценой этого выбора стала попытка цветной революции 2020 г. – одна из многих в череде аналогичных событий на протяжении последнего 30-летия, но единственная, которая была довольно близка к успеху.

Однако вышеупомянутые факторы остались бы потенциальной возможностью вне ключевого – фактора лидерства. РБ представляет собой пример того, как фактор лидерства меняет обстоятельства. «Сильный харизматический лидер с ярко выраженной волей к власти оказался в состоянии

направить развитие своего государства по сценарию, не характерному для всего остального региона. Во многом именно благодаря личной воле А.Г. Лукашенко стали возможны ... отказ от жесткого националистического курса и придание русскому языку статуса государственного [Беларусь – единственное государство, кроме России, где у русского языка есть этот статус], создание Союзного государства и «консервативный» социально-экономический курс, направленный на поддержание ориентированного преимущественно на Россию индустриального комплекса», – отмечает исследователь белорусского опыта Н.М. Межевич. Для понимания значимости личностного фактора он предлагает сопоставить постсоветскую эволюцию Белоруссии и Украины, где также имелись значимые социальные, экономические и культурно-языковые предпосылки для сценария, аналогичного белорусскому. «Однако “украинского Лукашенко” не нашлось, а Л.Д. Кучма, который в 1994 г. пришел к власти одновременно с А.Г. Лукашенко и под сходными лозунгами, в итоге предпочел другой путь» (Межевич, 2024: 111).

Благодаря фактору лидерства небольшая страна с населением менее 10 млн человек, без сколько-нибудь значимых ресурсов, смогла не только выжить, но и достичь впечатляющих экономических успехов в ситуации массированного внешнего давления. Ключевым ресурсом РБ стал человеческий капитал. Именно ставка на человеческий капитал позволила не просто сохранить производственные мощности, но и существенно их развить и получить системный результат.

Этот результат не в последнюю очередь стал возможным в результате исторических обстоятельств – формирование белорусского политического класса во второй половине XX в. происходило под влиянием последствий Второй мировой войны, в ходе которой погиб каждый третий житель и был уничтожен политический класс довоенной БССР. Политическая элита послевоенной Беларуси формировалась почти исключительно из поколения «партизан», отличившихся в войне и обеспечивших индустриальный прорыв республики в послевоенный период. Впоследствии на место сошедших с политической сцены по естественным причинам «партизан» пришла новая генерация руководителей – «хозяйственники», рекрутированные из директората крупных промышленных предприятий и близких социальных групп. «Нынешние руководители, “лукашенковцы”, – это новая генерация белорусских управленцев, которая пришла на смену хозяйственникам... Иных управленцев в Беларуси нет» (Шевцов, 2005: 77). Во многих республиках бывшего СССР крупные предприятия и связанные с ними хозяйственники могли стать социальной базой политики развития, однако только в Белоруссии они смогли победить (Там же: 118).

Да, политическая система РБ имеет очевидные элементы мобилизационной модели персоналистского типа, а политическое правление имеет суперпрезидентский характер. Однако следует признать, что выбор в пользу этой модели вряд ли имел альтернативы, учитывая непрерывное внешнее давление и тот факт, что РБ – это страна, пережившая катастрофу. Не случайно

эксперты называют современную белорусскую нацию нацией катастрофы: «...духовная самоизоляция РБ от всей Европы в значительной степени объясняется чернобыльским фактором» (Шевцов, 2005: 178). Кстати, президент РБ А.Г. Лукашенко родом из чернобыльского региона – не случайно там его поддержка максимальна.

В более широком контексте следует признать, что оценку любого политического курса следует проводить, исходя из того, в какой мере она способствует решению ключевой задачи. Уместно сослаться на Ф. Анкерсмита: *«Исторический подход к политическим системам предполагает, что каждая из них носит на себе отпечаток той специфической проблемы, которую она была призвана решить; иными словами, всякую политическую систему можно считать ответом на необходимость решить некий насущный вопрос»* (Анкерсмит, 2004: 15). Исключительно редкие относительно объективные зарубежные исследователи признают неизбежность и историческую оправданность белорусской политической модели (Ioffe, 2014).

Что касается внешнего прессинга в отношении Белоруссии, то Польша и Литва как идеальные географические плацдармы давления на РБ выступают флагманами процесса и его коллективными «фронтменами». Перефразируя крылатое выражение А.В. Суворова, можно сказать, что Польша берет «числом» (в данном случае числом денежных знаков), а Литва – умением (выступлениями в жанре форсированной истеричности). В.В. Воротников на страницах «Сравнительной политики» детально характеризует основные линии и форматы приложения сил в этом плане. Объектом рассмотрения не случайно избрана политика на гуманитарном треке – традиционная точка приложения усилий по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Беларуси: под флагом «гуманитарной» политики, как правило, реализуются иные шаги – те, что направлены на смену режима. Общим знаменателем политик обеих стран является явная заинтересованность именно в смене режима в РБ: сколь изощренно благопристойным бы ни было позиционирование этой политики – «права человека», «помощь развитию», «гуманитарное сотрудничество» – цель остается прежней: «Карфаген (существующий режим в Беларуси) должен быть разрушен». Не отрицая значимости роли исполнителей в лице Польши и Литвы, все же приходится признать, что цель сформулирована не ими, а стратегами более высокого уровня и масштаба. Но подрядчик всегда вносит индивидуальность в исполняемый номер, а если исполнителей более одного, то возникает соперничество между ними. В данном случае различия действий Польши и Литвы на белорусском направлении – это конкуренция объемов денег, исполнительского репертуара и степени радикализма. Анализ В.В. Воротникова показал, что Варшава опирается на существенное превосходство в материальных ресурсах. Литовские власти компенсируют дефицит экономических и финансовых возможностей посредством агрессивности провокационной риторики и действий.

Очевидно, что опорой Беларуси в проведении подлинно независимого курса в интересах общества является Союзное государство России

и Беларуси – по-настоящему уникальный интеграционный проект постсоветского пространства, не имеющий даже отдаленных аналогов. Эксперты отмечают, что это не просто интеграционное объединение, но именно Союзное государство: «Столь тесная интеграционная связка с РФ является ещё одной уникальной чертой развития Белоруссии в постсоветский период. Союзное государство – важный фактор не только внешней, но и внутренней политики Белоруссии» (Межевич, 2024: 98), «масштабный эксперимент, не исключающий восстановление тех основ социально-экономической и политической модели, которые доказали свою эффективность на предшествующем этапе» (Межевич, 2022: 29).

О.В. Бахлов и О.В. Бахлова на страницах «Сравнительной политики» обращаются к текстуальному анализу официальных концептуально-стратегических документов и публичных заявлений представителей государственных органов РФ и РБ посредством формализованного контент-анализа и качественного анализа документов. Проведенное рассмотрение показало сближение позиций и дискурсивных практик в широком тематическом спектре, с артикуляцией экономической проблематики. Россия и Беларусь на современном этапе демонстрируют сходное видение Союзного государства как уникального и одновременно модельного для других объединений региона интеграционного формата. Интеграция в его рамках увязывается с более обширными с пространственной точки зрения процессами на пространстве «Большой Евразии». Общей платформой подходов России и Белоруссии выступает прагматизация интеграционного взаимодействия.

В начале 2020-х гг. странам-участницам СГ удалось найти общую основу для нового старта и перезагрузки положений Договора 1999 г. Интеграционная повестка обогащается концептами, содержащими сопряжение различных процессов и связей в русле признания необходимости дальнейшего продвижения интеграции в рамках именно Союзного государства. Вместе с тем авторы отмечают, что предлагаемые обоими государствами нынешние формулы интеграции, как и ранее, не содержат характеристики практических механизмов реализации интеграции и воплощения механизмов наднационального управления; стратегии и идеологии интеграции сохраняют аморфность. В рамках концепции «симметричной интеграции» РФ и РБ выступают как равноправные суверенные интеграционные партнеры, что оставляет открытыми перспективы системного и всеобъемлющего развития.

Неоднозначные процессы на постсоветском пространстве стали центральным, но все же элементом более широких трансформаций, охвативших также страны Центральной и Восточной Европы, ранее входившие в социалистическую систему. Наиболее драматичными стали события в ходе распада социалистической Югославии, на пространстве которой вспыхнула кровопролитная гражданская война. В столь бурных событиях были свои реперные точки, одной из которых стали т.н. Дейтонские соглашения (официально – Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине), парафированные в ноябре 1995 г. на военной базе Райт-Паттерсон

в Дейтоне (США) и официально подписанные в декабре 1995 г. в Париже. 30-летие данных соглашений побудило редакцию пригласить к их обсуждению специалиста по Балканскому региону – профессора кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России Е.Г. Пономареву. Она справедливо констатирует, что Дейтон – наряду с Брюсселем, Гаагой, Страсбургом и Рамбуйе – ассоциируется с определением новых правил политической игры в постсоциалистическом мире и побуждает к осмыслению уроков тех событий. В ходе разрушения прежде устойчивых государств ЦВЕ возникли новые формы псевдо- и/или квазигосударственности – не случайно в научный оборот вошли понятия «государства-бандита» и «государства-фантома». Последнее означает образование, формально обладающее атрибутами суверенитета, но фактически управляемое извне. К этой категории относят и Боснию и Герцеговину, для которой сохранение статус-кво является лишь одним из возможных сценариев – альтернативами предстают поглощение Республики Сербской Федерацией БиГ и размежевание республик.

Пример Боснии и Герцеговины и сопровождавшие создание этого «государства-фантома» рукотворно созданные мифы несут также напоминание о крайней необходимости правдивого изложения исторических событий и актуальности нынешней «битвы за историю», поскольку история – можно добавить – не умирает, она – даже не прошлое...

На страницах нынешнего выпуска «Сравнительной политики находит отражение также центральная тема постсоветской политики – взаимоотношения бизнес-структур и государственных институтов. Эту тему на материале новой коллективной монографии «GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России: комплексный анализ и прикладные технологии», подготовленной под руководством видного специалиста в данной сфере А.А. Дегтярева, рассматривает известный и авторитетный специалист – член-корреспондент РАН И.С. Семененко. Центральной эта коллизия представляется по многим причинам – и поскольку базовым импульсом трансформации системы государственного социализма была конвертация политических привилегий в бизнес-активы, и потому, что коммерческие структуры сразу после завершения начальных этапов постсоциалистических трансформаций обрели статус приоритетных ресурсно обеспеченных игроков со своей повесткой, и в связи с тем, что сложившиеся на протяжении предшествовавшего тридцатилетия бизнес-стратегии могли претерпеть существенные изменения в радикально изменившемся контексте. Поэтому интерес к прикладным аспектам взаимодействия государства и бизнеса в России был и остается высоким на протяжении всего постсоветского периода со времени бурного становления этих отношений.

В последние годы в изучении сферы отношений бизнеса и государства появляются новые приоритеты, один из которых представлен в упомянутой монографии. Политические аспекты темы обусловлены тем, что деловые ассоциации и шире – коммерческие структуры – являются экономическими агентами, нацеленными на максимизацию прибыли, но в то же время

и политическими акторами, ведущими лоббистскую деятельность для обеспечения желаемых целей субъектов отраслевого лоббирования. На мой взгляд, с точки зрения политической науки наибольший интерес представляет анализ в книге корпоративного лоббирования при принятии стратегических решений, а именно изучение авторами таких практик на примере конкретных компаний – в частности, результаты анализа деятельности девелоперской компании ПИК в московском мегаполисе. Рассмотрение модели конверсии индивидуальных и групповых интересов стейкхолдеров в элементы публичной повестки приводит, наряду с иными содержательными характеристиками, к выводам о существенном влиянии международного контекста, об обновлении макролоббистской системы представительства интересов и повестки публичной политики в ходе взаимодействий городских властей и девелоперов, о консолидации ресурсоемкой коалиции городских администраторов и крупных предпринимателей.

Нетематическая статья номера посвящена сравнительному анализу когнитивной и информационной войн посредством разграничения соответствующих феноменов и понятий. На протяжении последних лет термины информационной, психологической, ментальной, когнитивной войн использовались как синонимичные, что препятствовало их адекватному использованию. Е.Б. Дегтяревой удалось разграничить концепты «информационная война» и «когнитивная война». Представляется обоснованной точка зрения о том, что при наличии общего нематериального характера и ориентированности на управление сознанием и поведением индивидов информационные виды противостояния направлены на контроль над потоками данных, поражение информационных систем противника и процессов принятия им решений. А целью когнитивного влияния является изменение фундаментальных механизмов восприятия и обработки информации. Соответственно, когнитивная война представляет собой качественно новую форму воздействия, акцентированную не на манипуляции информацией, а на трансформации когнитивных механизмов деятельности.

Рассмотренная в таком ракурсе, тема информационно-когнитивного воздействия вполне органична магистральной теме номера – обсуждению процессов постсоциалистических трансформаций, ибо ключевым инструментом разрушения социалистической системы, включая ее постсоветское ядро, стали именно информационные войны. На закате советской эпохи родилась печальная шутка в форме вопроса о том, что общего между секретарем обкома партии и мухой. Ответ был неожиданным: «Обоих можно прихлопнуть газетой» ... Как известно, все межконтинентальные ракеты СССР в 1991 году остались в шахтах – они не потребовались, ибо советское руководство проиграло своим соперникам в связи с овладением последним более современным видом вооружения – информационным. А генералы, как всегда, готовились к прошлой войне...

Список литературы:

1. Анкерсмит Ф. (2004) Репрезентативная демократия. *Логос* (2).
2. *Беларусь в цифрах – 2023* (2023) Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
3. Болгова И.В. (2017) Политика России на постсоветском пространстве: циклы и лабиринты. В: *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее*. М.: НП РСМД, сс. 88–92.
4. *Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики* (2017) No 18, март. Экспертный центр при Правительстве Российской Федерации.
5. Владыцкий А.С. (2017) Постсоветское пространство в современной геополитической структуре мира. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки* (4): 56–62.
6. Гаман-Голутвина О.В. (2025a) Мозаика страноведческих исследований: казусно-ориентированный подход. *Сравнительная политика* 16(1): 4–24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1.
7. Гаман-Голутвина О.В. (2025b) Мозаика страноведческих исследований в макрорегиональном контексте. *Сравнительная политика* 16(2): 6–25. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-16-1.
8. Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г. и Шишелина Л.Н. (2014) «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. *Полис* 5: 20–40.
9. *Год планеты: Ежегодник ИМЭМО РАН* (2025) Вып. 2024 г.: Экономика, политика, безопасность. Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс.
10. *Динамика инноваций* (2011) Отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск.
11. *История Российской ассоциации политической науки* (2015) Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. Москва.
12. Межевич Н.М. (2022) Теоретические предпосылки и практические возможности российско-белорусского сотрудничества. *Международная жизнь* (5): 28–37.
13. Межевич Н.М. (2024) *Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития*. М.: Ин-т Европы РАН.
14. Мелешкина Е.Ю. (2013) Постимперские пространства: особенности формирования государства и наций. *Политическая наука* (3).
15. Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. (2022) После империй: можно ли перековать мечи на орала? *Политическая наука* (1): 14–51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01.
16. Миллер А.И. (2013) Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада. *Политическая наука* (3).
17. *Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы* (2020) Отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН.
18. *Политический класс в современном обществе* (2012) Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. Серия Библиотека РАПН. Москва: Росспэн.
19. *Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития* (2024) Отв. ред. Э.Г. Соловьев. Москва: ИМЭМО РАН.
20. Самоховец М.П., Гречишкина Е.А., Глазкова Н.Г. (2020) Внешняя торговля Республики Беларусь: тенденции и перспективы. *Региональная экономика. Юг России* 8(3): 15–23.
21. *Современные международные отношения* (2012) Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект-Пресс.
22. Твен М. (1906) *Мы – англосаксы*. Эссе.
23. Тренин Д.В. (2017) Россия и страны СНГ: «взросление» отношений. В: *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия*. М.: НП РСМД.
24. *Человеческий капитал российских политических элит* (2012) Отв. ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева. Серия Библиотека РАПН. Москва: Росспэн.
25. Чистилин Д.К. (2022) *Украина, Грузия, Молдавия между ЕС и Россией*. М.: Книжный мир.

26. Шамахов В.А., Максимцев И.А., Межевич Н.М. (2019) Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития. *Управленческое консультирование* (10): 8–16.
27. Шевцов Ю.В. (2005) *Объединенная нация. Феномен Белоруссии*. М.: Европа.
28. *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия* (2017) М.: НП РСМД.
29. Austin R., Berekashvili T., Cheterian V. et al. (2009) *Media, democracy and freedom: The post-communist experience*. Edited by M. Dyczok and O. Gaman-Golutvina. Bern: Peter Lang.
30. Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperative*. New York.
31. Haushofer A. (1951) *Allgemeine politische Geographie und Geopolitik*. Heidelberg.
32. Hill F., Gaddy C. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press, Washington. 240 p.
33. Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York.
34. Ioffe G. (2014) *Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 305 p.
35. Kostovicova D., Bojicic-Dzelilovic V. (eds) (2009) *Persistent state weakness in the global age*. Farnham: Ashgate, 213 p.
36. Mackinder H.J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. The Geographical Journal.
37. Mackinder H.J. (1919) *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York.
38. Mahan A.T. (1970, orig. 1897) *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*. Boston.
39. Mahan A.T. (1987, orig. 1890) *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. New York.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-1

THE POST-SOVIET AREA IN THE SPACE OF MEANINGS AND AMBIGUOUS TRAJECTORIES OF EVOLUTION

Dr. Oxana V. GAMAN-GOLUTVINA – Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Editor-in-Chief, "Comparative Politics Russia" Journal; Member, Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received April 7, 2026

Accepted April 10, 2026

Abstract: The article presents a large-format context of ambiguous processes in the post-Soviet space. In understanding its current state, one should take into account its historical genesis and the different duration of including of various lands within a single state. The geostrategic perspective of consideration presupposes the recognition of the importance of civilizational coordinates, cultural identifications and economic parameters of this area, which absorbed significantly dissimilar civilizational formations with dissimilar historical and political experience and

level of economic development. While considering current processes in the post-Soviet space, it is reasonable to assume the fundamental position of all six editions of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation adopted under three presidents of the Russian Federation: development of cooperation with neighboring countries is the primary priority of the Russian Federation. This space, both in the past and the present, is highly heterogeneous entity in all dimensions, including significant diversification and even polarization of foreign policy aspirations. The heterogeneity of the near abroad is so significant that its most common definition remains its identification through denial. Nevertheless, despite the cultural, civilizational and political-cultural specifics, the diversification of the internal political design and foreign policy attitudes of the countries that were previously part of the USSR, the latter still retain similarities in a number of important parameters, and geographically the area closest to Russia is of great importance to it. In the face of intense competition from non-regional political actors for dominance in the region, Russia still has numerous competitive advantages. In foreign policy, the common denominator of the post-Soviet republics is the multi-vector nature of international orientations, which means the desire to balance between different centers of power, without unequivocally adhering to any of them. In the coming years, the post-Soviet space will continue to be an arena of intense competition for resources, territories, footholds, and assets.

Keywords: foreign policy, international relations, the post-Soviet space, transformations, geopolitical pluralism, resources, multi-vector.

References:

1. Ankersmit F. (2004) *Reprezentativnaya demokratiya* [Representative democracy]. *Logos* [Logos] (2). (In Russian).
2. Austin R. Berekashvili T., Cheterian V. et al. (2009) *Media, democracy and freedom: The post-communist experience*. Edited by M. Dyczok and O. Gaman-Golutvina. Bern: Peter Lang.
3. *Belarus v tsifrakh – 2023* [Belarus in figures – 2023] (2023). National Statistical Committee of the Republic of Belarus. (In Russian).
4. Bolgova I.V. (2017) *Politika Rossii na postsovetском prostranstve: tsikly i labirinty* [Russia's policy in the post-Soviet space: cycles and labyrinths]. In: *Evolutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future]. Moscow: RIAC, pp. 88–92. (In Russian).
5. Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperative*. New York.
6. *Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh mirovoy ekonomiki* [Bulletin on current trends in the global economy] (2017) No 18, March. Expert Center under the Government of the Russian Federation. (In Russian).
7. *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit* [Human capital of Russian political elites] (2012). Eds. E.B. Shestopal and A.V. Selezneva. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
8. Chistilin D.K. (2022) *Ukraina, Gruzija, Moldaviya mezhdru ES i Rossiei* [Ukraine, Georgia, Moldova between the EU and Russia]. Moscow: Knizhnyy mir. (In Russian).
9. *Dinamika innovatsiy* [Dynamics of innovations] (2011) Ed. V.I. Suprun. Novosibirsk. (In Russian).
10. *Evolutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: khrestomatiya* [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future: reader] (2017) Moscow: RIAC. (In Russian).
11. Gaman-Golutvina O.V. (2025a) *Mozaika stranovedcheskikh issledovaniy: kazusno-orientirovanny podkhod* [Mosaic of Regional Studies: A Case-Oriented Approach]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia] 16(1): 4–24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1. (In Russian).

12. Gaman-Golutvina O.V. (2025b) Mozaika stranovedcheskikh issledovaniy v makroregional'nom kontekste [Mosaic of Regional Studies in a Macroregional Context]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]* 16(2): 6–25. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-16-1. (In Russian).
13. Gaman-Golutvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. (2014) "Vostochnoe partnerstvo": bor'ba stszenariy razvitiya [Eastern Partnership: competing development scenarios]. *Polis* (5): 20–40. (In Russian).
14. *God planety: Ezhegodnik IMEMO RAN [Yearbook of IMEMO RAS]* (2025) Issue 2024: Economy, politics, security. Eds. V.G. Baranovskiy and E.G. Solov'ev. Moscow: Ideya-Press. (In Russian).
15. Haushofer A. (1951) *Allgemeine politische Geographie und Geopolitik*. Heidelberg.
16. Hill F., Gaddy C. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press, Washington. 240 p.
17. Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York.
18. Ioffe G. (2014) *Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 305 p.
19. *Istoriya Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki [History of the Russian Political Science Association]* (2015) Eds. S.V. Patrushev and L.E. Filippova. Moscow. (In Russian).
20. Kostovicova D., Bojicic-Dzelilovic V. (eds) (2009) *Persistent state weakness in the global age*. Farnham: Ashgate, 213 p.
21. Mackinder H.J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. The Geographical Journal.
22. Mackinder H.J. (1919) *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York.
23. Mahan A.T. (1970, or. 1897) *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*. Boston.
24. Mahan A.T. (1987, or. 1890) *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. New York.
25. Meleshkina E.Yu. (2013) Postimperskie prostranstva: osobennosti formirovaniya gosudarstva i natsiy [Post-imperial spaces: features of state and nation-building]. *Politicheskaya nauka [Political Studies]* (3). (In Russian).
26. Meleshkina E.Yu. and Kudryashova I.V. (2022) Posle imperiy: možno li perekovat' mechi na orala? [After empires: can swords be beaten into ploughshares?]. *Politicheskaya nauka [Political Studies]* (1): 14–51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01. (In Russian).
27. Mezhevich N.M. (2022) Teoreticheskie predposylki i prakticheskie vozmozhnosti rossiysko-belorusskogo sotrudnichestva [Theoretical premises and practical opportunities of Russian-Belarusian cooperation]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]* (5): 28–37. (In Russian).
28. Mezhevich N.M. (2024) *Belarus': transformatsiya i modernizatsiya. Itogi postsovetskogo razvitiya [Belarus: transformation and modernization. Results of post-Soviet development]*. Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russian).
29. Miller A.I. (2013) Modernye imperii: problemy klassifikatsii, mekhanizmy konsolidatsii i raspada [Modern empires: classification problems, mechanisms of consolidation and disintegration]. *Politicheskaya nauka* (3). (In Russian).
30. Politicheskie protsessy na postsovetском prostranstve: novye trendy i starye problemy [Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems]. (2020) Eds. E.G. Solov'ev and G.I. Chufrin. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).
31. Politicheskii klass v sovremennom obshchestve [The political class in contemporary society]. (2012) Ed. O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
32. *Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putey razvitiya [Post-Soviet states at the present stage: domestic political dynamics and development paths]* (2024). Ed. E.G. Solov'ev. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).

33. Samokhovets M.P., Grechishkina E.A., Glazkova N.G. (2020) Vneshnyaya trgovlya Respubliki Belarus': tendentsii i perspektivy [Foreign trade of the Republic of Belarus: trends and prospects]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia] 8(3): 15–23. (In Russian).
34. Shamakhov V.A., Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M. (2019) Vneshneekonomicheskie svyazi Rossii i Belarusi: ob"ektivnye vozmozhnosti i sub"ektivnye prepyatstviya razvitiya [Foreign economic relations between Russia and Belarus: objective opportunities and subjective constraints]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting] (10): 8–16. (In Russian).
35. Shevtsov Yu.V. (2005) *Ob"edinennaya natsiya. Fenomen Belorussii* [The united nation: the phenomenon of Belarus]. Moscow: Evropa. (In Russian).
36. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary international relations] (2012) Eds. A.V. Torkunov and A.V. Malgin. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).
37. Trenin D.V. (2017) Rossiya i strany SNG: "vzroslenie" otnosheniy [Russia and the CIS countries: the "maturation" of relations]. In: *Evolutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: khrestomatiya* [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future]. Moscow: RIAC. (In Russian).
38. Tven M. (1906) *My – anglosaksy* [We are Anglo-Saxons]. (In Russian).
39. Vladytskiy A.S. (2017) Postsovetское prostranstvo v sovremennoy geopoliticheskoy strukture mira [The post-Soviet space in the modern geopolitical structure of the world]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences] (4): 56–62. (In Russian).